

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 343.4, 341.4

DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-222-236

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Рублев А. Г.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Международный уголовный суд является результатом длительного исторического процесса, в ходе которого общество стремилось наказать виновных в тяжких преступлениях против человечества на основе практики Нюрнбергского Суда и других специальных судов. Предлагается предусмотреть внесение поправок в статут МУС с целью уточнения и расширения его юрисдикции.

Ключевые слова: международные преступления, юрисдикция, государство, военные преступления, международный уголовный суд, ответственность.

К сожалению, конфликты и трагедии сопровождают человечество протяжении всей его истории. Массовые убийства, этнические чистки и другие серьезные нарушения прав человека время от времени случаются в разных уголках мира и в настоящее время, несмотря на бесспорные запреты таких деяний по международному уголовному праву. Тем не менее, современное международное право дает нам механизмы противодействия подобным нарушениям.

Исторические истоки международного уголовного права переплетаются с построением международной системы уголовного правосудия. Идея о том, что виновное лицо должно нести ответственность за совершение тяжких преступлений непосредственно перед международным сообществом, возникла одновременно с созданием международных судебных механизмов для уголовно-правового противодействия нижеупомянутым преступлениям.

Без сомнения, указанная практика показала стремление мирового сообщества противостоять безнаказанности и привлечь к ответственности виновных в различных тяжких преступлениях. Уголовное преследование, как на национальном, так и на международном уровнях является сигналом, что человечество не закроет глаза на совершение резонансных преступлений и не остановится, пока справедливость не будет восстановлена.

Между тем, невозможно не исследовать два основных аспекта развития международного уголовного правосудия: неизбежной его политизации и избирательности, определяющей его применение.

Рассмотрим развитие наднациональных органов международного сообщества в сфере уголовной юстиции. Как известно, предшественницей Международного уголовного Суда (далее – МУС) стала Конвенция об учреждении международного уголовного Суда 1937 г. (не вступила в силу). Были и другие предложения создать постоянно действующий орган в том или ином варианте. И хотя ни одно из них не было реализовано, эти инициативы создали почву для основания МУС – первого постоянно действующего мирового Суда по уголовным делам. Неслучайно, что МУС

является одновременно правопреемником и воплощением противодействия мирового сообщества безнаказанности за самые тяжкие военные и иные преступления.

В результате многочисленных инициатив и участия правозащитных организаций в 1998 г. в Риме 120 государств подписали Римский Статут (далее - РС). Устав ввел в действие эффективный механизм для установления и наказания виновных лиц – МУС. Он призван обеспечить неотвратимость наказания лицам, виновным в серьезных нарушениях гуманитарного права, в совершении агрессии и военных преступлений, в тех случаях, когда органы государств по каким-либо причинам не смогли выполнить эту задачу [1].

Таким образом, МУС стал первым постоянным международным судом по уголовным делам, созданным на основе международного договора. Кроме того, МУС является постоянно действующим судом с довольно широкой юрисдикцией с возможностью инициировать рассмотрение дел в Суде Советом Безопасности ООН, Прокурором МУС или государством-участником РС, а также страной, которая его не ратифицировала, однако признала юрисдикцию МУС над конкретной ситуацией.

Следовательно, вышеизложенное отличает МУС от Нюрнбергского, Югославского и Руандийского трибуналов, поскольку все они были трибуналами, созданными для конкретного рассмотрения преступных нарушений, совершенных на одной территории или в рамках одного вооруженного конфликта. В свою очередь, МУС не является частью ни одной международной организации. Это отличает его от Международного Суда ООН, который является органом ООН, хотя и действует независимо.

Компетенция Международного Суда ООН состоит в осуществлении правосудия между государствами. Между тем, задачей МУС является привлечение к ответственности виновных лиц за совершение ими тяжких международных преступлений. Преступления, которые рассматривает МУС: преступления геноцида, военные преступления, преступления против человечности, преступления агрессии.

Как известно, термин «геноцид» (греч., лат. «génos» – род, племя, «caedo» – убиваю) в 1944 г. предложил Рафаэль Лемкин. Ученый считал, что в международном праве должна существовать специальная категория, обозначающая преследования людей за их принадлежность к определенной группе. Впоследствии, в 1948 г., геноцид был признан преступлением, которое грубо нарушает нормы международного права и наносит большие потери человечеству. Особыми признаками геноцида, отличающими его среди других международных преступлений, является: намерение уничтожить полностью или частично любую национальную, этническую, расовую или религиозную группу [2].

В соответствии со статьей 6 РС геноцидом считается: убийство членов соответствующей группы, насильственная передача детей из одной человеческой группы к другой. Меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы.

Рассмотрим в качестве примера акты геноцида последних десятилетий 20 – начала 21 веков: 1994 г. – геноцид этнической группой тутси (Руанда): уничтожено, по разным оценкам, до 1 млн. лиц. Международный трибунал по Руанде признал ответственными за геноцид, в частности, Жан-Поля Акэзу [3], Жана Камбанде [4] (приговорены к пожизненному заключению), Теонесте Багосору (приговорен к 35 годам заключения) [5].

В 21 веке невозможно не отметить события 2002 г. – массовые убийства и другие акты насилия, в т.ч. с применением химического оружия, в Дарфуре (регион Судана): убито более 300 тысяч человек, уничтожено 171 село [6].

Безусловно, преступления против человечности оказывают серьезное разрушительное влияние на человеческую личность, унижающие достоинство, тем самым наносят существенный физический, материальный и моральный вред потерпевшим.

Преступления против человечества могут совершаться как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта. Для правильной квалификации этих преступлений необходимо установить, что они являются частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. Такие преступления являются не единичными случаями, а частью политики, проведению которой способствует или поощряет государство, или определенная организация [7].

К преступлениям против человечности относятся (ст.7 РС): истребление, порабощение, насильственное исчезновение людей. Кроме того, преступление апартеида (политика расовой дискриминации, сегрегации и угнетения). Половое насилие (изнасилование, сексуальное порабощение, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и другие формы сексуального насилия).

Другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении существенных страданий, или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба, нанесенного психическому или физическому здоровью. К указанным преступлениям относят незаконное тюремные заключения, пытки.

В компетенцию рассмотрения МУС входят такие виды преступлений как депортация или насильственное перемещение населения, массовые убийства. Ответственность за преступления против человечества предусмотрена Конвенцией о неприменении сроков давности военных преступлений и преступлений против человечества 1968 г.; Конвенцией о прекращении апартеида и наказании за него 1973 г.; РС МУС 1998 года [8].

Выделяется следующая последовательность развития понятия «преступления против человечества». В начале 1940-х гг. британский юрист Херш Лаутерпахт, успешно разработал юридическую концепцию преступлений против человечности. Уже в 1945 г. сформулированная Лаутерпахтом категория «преступления против человечества» впервые признана нарушением международного права, закрепленная в Уставе Нюрнбергского военного трибунала и является одним из пунктов обвинения против нацистского руководства Германии [9].

В послевоенный период, в частности, в 1954 г. преступления против человечества закреплены в перечне международных преступлений в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В период 1968–1973 гг. произошла отмена сроков давности по преступлениям против человечества (Конвенция о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, Конвенция о прекращении апартеида и наказании за него).

Развернутое определение преступлений против человечества в 1996 г. включено в текст проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятого Комиссией международного права ООН [10].

И, наконец, в 1998 г. сформулировано самое широкое определение преступлений против человечества, закрепленное в ст. 7 РС МУС. К примеру, установлено, что военные преступления совершаются участниками вооруженных действий и лицами, которые отдают им приказы. Определено, что они совершаются в отношении лиц, не принимающих активного участия в боевых действиях (гражданское население, военнопленные, раненые, больные, медицинский персонал, лица из состава вооруженных сил, сложивших оружие). Указанные деяния могут происходить во время вооруженного конфликта международного и немеждународного характера.

В силу РС к военным преступлениям относятся серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. (международные преступления, являющиеся грубыми нарушениями законов и обычаев ведения войны), а также дополнительных протоколов к ней и других законов и обычаев, применяемых в вооруженных конфликтах международного и не международного характера, например, целенаправленное нападение на гражданское население, которое не принимает непосредственного участия в военных действиях.

Кроме того, необходимо к военным преступлениям отнести обстрел или нападение на гражданские объекты, не являющиеся военными целями, например, на гражданские населенные пункты, жилые помещения, культурные ценности, а также умышленное совершение действий, направленных на создание массового голода среди гражданского населения, как способа ведения войны, умышленное создание помех для помощи населению, вербовка детей в возрасте до восемнадцати¹² лет в состав вооруженных сил или их использование для участия в вооруженных действиях, причинение ущерба имуществу, не оправданное военной необходимостью, пытки или бесчеловечное обращение, в том числе биологические эксперименты, принуждение военнопленного или другого лица служить в вооруженных силах вражеской стороны, взятие заложников.

Представляет интерес следующее развитие содержания и понятия «военные преступления». Еще в XIX в. в 1864 г. была подписана Конвенция об уходе за ранеными и больными солдатами воюющих армий, которая впервые гарантировала неприкосновенность военных госпиталей, медицинского персонала и права раненых пленных. В 1899 г., 1907 г. приняты Гаагские конвенции о законах и обычаях ведения войны. В 1929 г. подписана в г. Женева Конвенция об обращении с военнопленными, запрещающая репрессии и коллективные наказания военнопленных и определила правила организации их работы.

При этом первое официальное использование понятия «военное преступление» относится к 1945 г., тогда же и дано его определение (ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала). В 1949 г. четыре Женевские конвенции о защите жертв войны определили перечень деяний, которые составляют военные преступления. Среди прочего, основными принципами ведения вооруженных действий согласно Женевским конвенциям являются: гуманное отношение к лицам, которые не принимают активного участия в военных действиях; возможность оказывать помощь раненым.

¹ В соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка относительно участия детей в вооруженных конфликтах от 01.01.2000.

Таким образом, существует утверждение, что союзные военные трибуналы не были собственно органами международного правосудия, а были общими судебными органами государств, которые их учредили. Тем не менее, их создание и судебные процессы, проведенные после 2-й Мировой войны, представляют собой поворотный момент для международного уголовного права. Прежде всего, определены три категории международных преступлений (две из которых представляли собой абсолютную новизну – преступления против человечества и преступления против мира), которые стали сердцевиной международного уголовного права.

В 1954 г. принята Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а в 1976 г. принята Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. В 1977 г. дополнительными протоколами к Женевским конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, значительно расширен перечень деяний, которые составляют военные преступления.

Еще одним видом преступлений, содержащимся в компетенции МУС – преступления против мира или преступление агрессии, предусмотрено в ст. 5 РС. Во время обсуждения юрисдикции Статута не было серьезных проблем при определении трех других преступлений (геноцид, военные преступления и преступления против человечества), поскольку их определения уже были сформулированы в истории международного гуманитарного права. Конкретный пример этого преступления (в отличие от незаконного оборота наркотиков или терроризма, которые не были включены) заключается в том, что оно уже имело прецедент в судебных процессах в Нюрнберге и Токио.

В рамках этой схемы против агрессивной войны должен быть предусмотрен абсолютный запрет и потенциальное применение уголовного преследования Суда против любого, кто организует, поддерживает или проводит агрессивные или захватнические войны. Его политическая основа заложена в гл. VII Устава ООН. Начало агрессивной войны является преступлением, предусмотренным в обычном международном праве, как любая война, которая не является самообороной или не санкционирована ст. 51 Устава ООН.

Определение преступления было обусловлено главным образом определением, содержащимся в Уставе Нюрнбергского Суда, как «преступление против мира», которое можно разделить на 3 замечания, а именно: первое установило, что для целей Статута рассматриваемое преступление означает действия, совершенные лицом, которое может осуществлять контроль или компетентно руководить политическими или военными действиями; второй вариант добавляется к первому в нарушение Устава ООН, который прибегает к применению вооруженной силы, чтобы нарушать суверенитет, территориальную целостность или политическую независимость государства, где они перечисляют действия, представляющие собой агрессию, отличную от первого варианта; третий, отличается от первого, когда прямо ссылается на ст. 10 Устава проекта, которая касается отношений между МУС и Советом Безопасности.

Как известно, акт агрессии – это незаконное применение государством вооруженных сил против: суверенитета, политической самостоятельности другого государства или любым другим способом, что не соответствует Уставу ООН, территориальной целостности.

К исследуемым преступлениям необходимо также относить действия государства, которое позволяет, чтобы ее территория, предоставленная ею в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства, направление государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства столь серьезный характер, что это соответствует вышеуказанным деянием, или ее существенное участие в них [11].

Таким образом, в ходе противодействия преступности в мире ключевую роль сыграла активная деятельность международного сообщества по созданию трибуналов – специальных судов для расследования наиболее тяжких преступлений, которые всколыхнули человечество. Однако впоследствии стало понятно, что создание отдельных временных судов для разрешения дел, касающихся только одного конфликта, нерациональное с точки зрения расхода предусмотренных времени и ресурсов. В результате создан единый международный суд для расследования наиболее вопиющих преступлений.

Кроме того, в ряде стран виновные лица в рассматриваемых преступлениях МУС, как правило, на время исполнения полномочий, не несут уголовной ответственности, в отношении них не может быть возбуждено уголовное дело. По сути, это нивелирует положения национальных уголовных кодексов, поскольку нормативное правовое регулирование уголовной ответственности характеризуются иногда реальным отсутствием возможности привлечения некоторых субъектов к ответственности.

Идея индивидуальной ответственности является основополагающим принципом, на котором основана уголовная ответственность, без которой лица, совершившие эти преступления, останутся безнаказанными. Этот принцип, несомненно, важен, когда речь идет о широкомасштабном преследовании за преступления, подобные тем, которые подпадают под юрисдикцию МУС.

Следует отметить, что принцип индивидуальной ответственности исходит из доктрины индивидуалистического либерализма XIX века о типичности преступных деяний, в которой подтверждается тезис о том, что каждое преступление представляет собой уникальное деяние. По этой причине, когда факт, вменяемый обвиняемому, не совсем соответствует юридическому определению, переводчику, например, запрещается расширять сферу действия правила, используя, по аналогии, определение аналогичного или приблизительного преступления (ст. 22 РС).

По сравнению с юрисдикцией *ad hoc* создание постоянной уголовной юрисдикции означает значительный прогресс, приносящий важные преимущества, например, институциональную стабильность и, прежде всего, в идеале повышение легитимности на основе гарантии беспристрастности, равенства и единообразия в применении закона.

Рассмотрим конкретный пример действия ч. 3 ст. 12 УК РФ, связанный с уголовным преследованием Н. Савченко по факту совершения преступления на территории ведения боевых действий на Донбассе в отношении мирных граждан (журналистов). На первый взгляд судебное разбирательство относится к компетенции Международного уголовного Суда.

Например, если исследовать теоритическую возможность переноса рассмотрения уголовного дела в отношении Н. Савченко в МУС, то такой вариант не был бы возможен с учетом всех обстоятельств дела, поскольку, хотя Россия подписала РС в 2000 г., но в 2016 г. отозвала подпись под РС по причине того, что Суд согласно официальной позиции не является действительно независимым и не оправдал возложенных на него надежд.

Представляет интерес применение принципа *male captus bene detentus* [12] (Неправильность поимки не ведет к неправомерности задержания). Например, печально известное похищение Адольфа Эйхмана в Аргентине в 1960 г. и похищение подозреваемого террориста Абу Омара в Италии в 2003 г. показывают, что использование незаконных средств было и по-прежнему рассматривается в качестве варианта задержания виновных лиц, особенно когда цели таких мероприятий не считаются с национальным законодательством.

Подводя итоги, необходимо отметить, что МУС предоставляет консультации странам, желающим привлечь к уголовной ответственности виновных в собственных Судах, и оказывает правовую помощь защиты в случаях, когда страны не желают или не могут судить самостоятельно из-за насилия, запугивания, нехватки ресурсов или политической воли. Представляется, что МУС не предназначен для замены национальных судов. Для судебного преследования за упомянутые преступления национальные системы правосудия остаются на переднем крае.

Подтверждением вышесказанного является ст. 1 в соответствии с которой юрисдикция МУС должна носить исключительный и взаимодополняющий характер, то есть она будет осуществляться только в случае явной неспособности или отсутствия готовности национальной судебной системы осуществлять свою основную юрисдикцию. Следовательно, государства имеют приоритет в расследовании и судебном преследовании виновных.

Согласно п. 1 ст.11 РС Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления Статута в силу. Это также относится к действиям, которые являются общепризнанными преступлениями против международного права, такими как геноцид, и которые согласно универсальному принципу, при котором государства обладают юрисдикцией для рассмотрения дела, независимо от того, где было совершено преступление. В этом отношении Статут отличается от Статута судов Югославии и Руанды.

Распространение запрета обратной силы закона на несущественные положения уголовного законодательства можно рассматривать как защиту права, привлекаемого к ответственности полагаться на процессуальные стандарты, действовавшие на момент совершения преступления, Подчеркивая эту точку зрения в Статуте, мы разграничиваем от предыдущих международные уголовные трибуналы такие как Нюрнбергский трибунал по военным преступлениям и Югославский трибунал.

Кроме того, в Статуте не уточняется, когда преступление считается окончательным. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, носят крупномасштабный характер, и ответственность за них возлагается в первую очередь на руководящие органы, ответственные за их планирование. Таким образом, рассматриваемая серия событий может растягиваться на длительный период времени. Проблемы толкования могут возникнуть в отношении того, следует ли рассматривать преступление как совершенное после вступления Статута в силу. Это относится, в частности,

к вопросам национального права, касающимся выбора применимого права в случаях, когда исполнение преступления характеризуется широким временным измерением. Примеры - так называемые длящиеся преступления.

Суд может осуществлять свою юрисдикцию только в отношении преступлений, совершенных на территории соответствующего государства или его граждан после вступления Статута в силу для этого государства. Однако государство может предоставить объяснение в соответствии с п. 3 ст. 12, в котором оно признает юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления.

Договаривающаяся сторона, признает юрисдикцию Суда в отношении преступлений, указанных в ст. 5. Это положение создает «неотъемлемую юрисдикцию»: признание юрисдикции не требует отдельного заявления о намерениях, и государство не может, становясь стороной, выбирать, какие преступления оно признает юрисдикцией Международного уголовного Суда.

Связь между членством в договоре и признанием юрисдикции, предусмотренной в ст. 12, была одним из самых сложных вопросов в переговорах по Статуту. В качестве альтернативы была предложена модель, в которой стороны указали бы в отдельном заявлении либо во время ратификации, либо позднее, в какой степени они признают юрисдикцию Суда. Однако большинство участников конференции сочли невозможным для государств присоединиться к договору, но в то же время отрицать свою юрисдикцию в отношении этих очень серьезных международных преступлений.

РС предусматривает, что государство может при ратификации заявить, что оно исключает юрисдикцию в отношении военных преступлений, охватываемых ст. 8, если преступление предположительно было совершено лицами его гражданства или если преступление предположительно было совершено на его территории.

Более того, суд может осуществлять юрисдикцию на основании заявления Договаривающегося государства или по инициативе прокурора (ст. 13 (а) и (с)), если одно или несколько из следующих государств являются участниками настоящего Статута или прямо признали юрисдикцию. Юрисдикция Суда действует после того, как Совет Безопасности передал дело Прокурору (ст. 13 (b)), связь с государством-участником не требуется.

Предыстория этого положения содержится в предложениях для переговоров, которые ограничивают осуществление компетенции, обуславливая ее согласием определенных государств. В настоящих предложениях, помимо государств, включенных в заключительную статью, список включает государство, на территории которого проживает подозреваемый, и государство проживания жертв преступлений. В различных предложениях эти государства указывались в качестве кумулятивных или альтернативных доноров. Присоединившись к Статуту, государства должны передать свою собственную универсальную юрисдикцию в соответствии с международным правом Суду. Однако такая широкая юрисдикция вызвала широкую оппозицию. Таким образом, юрисдикция Суда в силу условий РС более ограничена, чем юрисдикция государств, признающих юрисдикцию в соответствии с универсальным принципом в их национальном законодательстве.

В согласованной формулировке согласие государства где совершено преступление или государства происхождения подозреваемого определяется как достаточное условие для осуществления юрисдикции. Если гражданин определенного государ-

ства подозревается в совершении преступления на территории государства-участника Статута, суд, в принципе, обладает юрисдикцией при соблюдении других условий юрисдикции, независимо от принадлежности или должности государства-члена происхождения подозреваемого. Однако необходимо принимать во внимание, в частности, принцип субсидиарной юрисдикции. В случае привлечения к ответственности подозреваемого национальное государство имеет средства согласно статьям 17–19 для передачи уголовного дела исключительно своим властям. Значит, в таком случае Суд утратит юрисдикцию.

Подчеркнем, что согласно РС государство, не являющееся «статутным», может путем заявления, адресованного МУС, признать юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления.

Рассмотрим для примера практику взаимоотношений США и МУС. Как известно, в 2020 г. президент Дональд Трамп при поддержке государственного секретаря Майка Помпео подписал распоряжение [14], вводящее серию санкций против должностных лиц МУС за расследование под руководством главного прокурора Фату Бенсуда о военных преступлениях, совершенных, в том числе американскими солдатами, в Афганистане с 2003 года, и других преступлениях, связанных с афганским конфликтом, совершенных на территориях других государств-членов МУС с 2002 года.

Действительно, 20 ноября 2017 г. прокурор Бенсуда запросил в соответствии со ст.15 § 3 Статута МУС, разрешение Палате предварительного производства Суда на возбуждение расследования предполагаемых преступлений против человечества и военных преступлений, совершенных на афганской территории. Инициатива основана на возникших ранее случаях, связанных с бесчеловечными действиями самих американских военных в Ираке, в том числе в тюрьме Абу-Грейб [15], которые вызвали большой резонанс во всем мире и в самих США.

Однако сначала МУС отклонил просьбу прокурора о проведении дальнейшего расследования преступлений против человечества и военных преступлений, предположительно совершенных на территории Афганистана. Судьи сочли, что расследование ситуации в Афганистане на данном этапе «не будет служить интересам правосудия» [16]. Впоследствии, после подачи апелляции прокурором, Апелляционная палата МУС своим решением от 5 марта 2020 г. единогласно санкционировала продолжение расследования [17]. Тот факт, что США, как традиционные сторонники уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, ставят под сомнение роль международного органа уголовного правосудия, может быть противоречивым, но определенно не беспрецедентным.

С момента создания Суда, санкционированного конференцией в Риме 17 июля 1998 г., американцы оспаривали определенные аспекты. Фактически, они входят в число тех 32 государств, которые не ратифицировали Римский статут: подписание договора гарантирует только его подлинность, но без акта ратификации он не имеет обязывающий эффект для государства.

Среди оспариваемых положений США всегда отклоняли положение, предусмотренное в ст.12 Статута Суда, которое дает ему экстерриториальную юрисдикцию в отношении деятельности государства, не являющегося членом, если последнее совершило преступление на территории государства-участника Статута. По той же причине, что США будут подпадать под юрисдикцию Суда для оценки совер-

шенных нарушений, поскольку Афганистан, а также другие страны, где отмечена американская деятельность, присоединились к Статуту еще в 2003 г.

Закон о защите американских военнослужащих стал первой попыткой США бойкотировать Суд и другие государства, начиная с 2002 г. Генеральная прокуратура США решила в качестве встречного ответа отозвать въездную визу для некоторых должностных лиц и самой судебной прокуратуры, пригрозив в будущем индивидуальными экономическими санкциями против должностных лиц, которые активно участвовали в расследовании против них. По словам советника по национальной безопасности Джона Болтона еще в 2018 г., его настойчивое стремление продолжить расследование означало бы посягательство на конституционные права американского народа и суверенитет США.

11 июня противодействие между США и Судом обострилось после принятия Президентом США Дональдом Трампом Указа о блокировании собственности определенных лиц, связанных с Международным уголовным судом [18]. Предусмотрены санкции, такие как немедленное замораживание средств и активов, принадлежащих должностным лицам уголовного Суда в США, а также в отношении любого другого иностранного гражданина, который сотрудничал с судом в расследовании. Кроме того, для должностных лиц Суда и членов их семей предусмотрено ограничение на въездные визы в США.

Действия Трампа были основаны на Законе о международных чрезвычайных экономических полномочиях, который дает президенту право вводить экономические и краткосрочные санкции, затрагивающих собственность лиц, представляющих чрезвычайную угрозу национальной безопасности [19]. Именно поэтому используемый в прошлом в отношении конкретных террористических угроз, парадокс его применения к судебным органам, стремящимся противодействовать терроризму, свидетельствует о его очевидности.

Международный уголовный суд постоянно подвергается критике со стороны следующих государств: России, Израиля и Китая, которые никогда не соглашались с ущемлением своей юрисдикции для защиты своих интересов. Этим объясняется намерение некоторых африканских государств, чьи лидеры были подвергнуты судебным процессам, проводимым должностными лицами Суда, планировать выход из договора, который считается инструментом, направленным на распространение гегемонии самых могущественных государств.

Однако Суд продолжает, хотя и «хромая», выполнять свою роль гаранта международного уголовного правосудия перед лицом Америки, которая становится все более непоследовательной в своих политических позициях.

Несомненно, что юрисдикция Суда является дополнительной к юрисдикции государства в зависимости от недееспособности или упущения внутренней судебной системы. Очевидно, что МУС создан для возможности прекращения безнаказанности, которой часто пользуются лица, виновные в совершении тяжких международных преступлений в области прав человека [20].

Таким образом, МУС представляет собой определенный прогресс в области международной правовой безопасности и особую эволюцию международного права, поскольку он создал инструменты, которых до этого не существовало для защиты справедливости и защиты прав человека на международном уровне, несмотря даже на определенную политизированность его деятельности. Как известно, некоторые из

наиболее важных государств международного сообщества (в частности, США, Россия и Китай, три постоянных члена Совета Безопасности) не присоединились к МУС и неоднократно подвергали сомнению практику Суда.

Следует иметь в виду, что среди актуальных вопросов, касающихся деятельности МУС, выделяются проблемы квалификации преступлений и единых подходов к реализации международного уголовного права. Более того, представляется необходимым внести предложения по дополнению в РС по криминализации международного терроризма.

К примеру, кратко рассмотрим отсутствие ответственности по РС за совершение международного терроризма, поскольку его изучение, как глобального явления, требует междисциплинарного реагирования. В свою очередь необходимо отметить, что различные национальные правовые системы по-разному трактовали термин терроризма в ходе эволюции этого понятия, например, существовала необходимость отличать его от законной освободительной войны.

По этой причине США и западные страны, как правило, всегда сопротивлялись из-за очевидных политических трудностей, непреодолимых в контексте холодной войны в 20 веке. Речь идет о столкновении различных международных позиций, основанных на различии между законным революционным насилием и преступным террористическим актом. Это было особенно ясно в прошлом веке и в настоящее время, хотя и в меньшей степени.

Таким образом, процесс определения международного терроризма был частью более широкого противостояния между противоположными идеологиями и целями. Современные террористические действия, осуществленные «Исламским государством», продемонстрировали серьезные отличия от прошлых, привнося или усиливая специфические черты современных террористических стратегических операций; иностранные боевики, систематические «мученики», действия одиноких «волков» создают новые проблемы, как для сотрудников служб безопасности, так и для подвергшихся нападению в целом западного общества и не только. Возникает не террористическая сеть «без лидера», а сложная и разветвленная система, способная соединить широких масс участников, действующих в рамках вооруженной борьбы. Иностранные боевики – это совершенно новый инструмент, используемый для нанесения ударов по западным мегаполисам с особой тактикой вербовки, поддержки и развертывания террористических ячеек. Эти процессы реализуют научные усилия, направленные на изучение того, как формируются радикальные идентичности, и на понимание того, как повернуть вспять эту тенденцию и адекватно противодействовать таким вызовам, а также восстановить и реинтегрировать бывших радикализованных людей.

Безусловно, терроризм предполагает насилие в политических целях, не всякое политическое насилие является терроризмом. По нашему мнению, квалификация, которая наиболее адекватно позволяет нам отличать террористические акты от других актов политического насилия или других обычных преступлений, заключается в конкретной связи - или, точнее, ее отсутствии – между террористом и его жертвами. Они становятся просто символами в общении между террористами и истинной целью: правительством или организацией с правоохранительными органами, от которых ожидается получение уступки или определенного поведения. Жертвы являются непосредственной или инструментальной целью, или «целью», в то время как ос-

новая цель другая. Это ставит жертв в положение особой уязвимости или беззащитности перед лицом нападений, которые не спровоцированы ими и которые по своей природе являются чрезвычайными, внезапными и произвольно выбранными.

В заключении, возможно предположить, что, столкнувшись с невозможностью формулирования международного понятия по определению терроризма, западные страны десятилетиями утверждали, что это определение не является необходимым для принятия мер, ведущих к его искоренению. Вместе с тем террористическая угроза представляет собой одну из самых серьезных опасностей на международном уровне, в том числе потому, что в ней используются новые методы и инструменты по сравнению с прошлым.

Однако не следует недооценивать важность определения исследуемого явления как академической проблемы. Фактически, отсутствие общепринятого определения оказало определенное влияние на разработку правового режима, поддерживаемого ООН. Точно так же концептуальное разногласие до самого недавнего времени выразилось в неоднозначном осуждении со стороны Генеральной Ассамблеи и в ограниченном и сдержанном участии Совета Безопасности. Несмотря на дискуссии по этому поводу, на сегодняшний день нельзя сказать, что существует однозначное определение терроризма как международного преступления. Все это, конечно, оценивается как свидетельство несовершенства МУС, поскольку мировое сообщество, меньше готово отвечать на посягательства упомянутого типа.

Международный уголовный суд квалифицирует в настоящее время использование биологического оружия, ослепляющего лазерного оружия и некоторых типов осколочного оружия как военные преступления, что направлено на улучшение защиты людей в зонах боевых действий.

Международное гуманитарное право направлено на спасение жизней, облегчение страданий и сохранение человечности в вооруженном конфликте. Для людей, находящихся в зонах боевых действий, нарушения международного гуманитарного права имеют драматические последствия. Для обеспечения глобальных мирных инициатив и обеспечения прочной стабильности важно, чтобы военные преступления не оставались безнаказанными. В декабре 2017 г. договаривающиеся государства МУС решили расширить статью 8 Римского статута и сделать использование трех видов оружия, караемых как международное военное преступление: биологическое оружие, ослепляющее лазерное оружие и оружие, поражающее осколками, которые невозможно обнаружить с помощью рентгеновских лучей.

Следовательно, расширение юрисдикции Суда укрепит международное уголовное правосудие и обеспечит надлежащую защиту людей в опасных территориях. Поощрение международного гуманитарного права является важным компонентом внешней политики стран, ратифицирующих поправки к РС МУС, что способствует применению международного гуманитарного права и обеспечению справедливости для жертв военных преступлений. Тем самым совершенствование РС укрепляет фундаментальную предпосылку для эффективного предотвращения военных преступлений, поддержания мира на прочной основе и, в конечном счете, обеспечения стабильности. Посредством последовательного уголовного преследования МУС должен способствовать применению международного гуманитарного права и прав человека во всем мире.

Международное уголовное правосудие в качестве политического и избирательного проекта нередко подвергается критике за попытки монополизировать доктринальное производство, из чего делается вывод, что оно не может претендовать на беспристрастность вне всяких сомнений. Например, в ходе обращения Совета Безопасности в МУС по делу Дарфура в 2005 г., посол Судана при ООН обвинил Суд в том, что он является инструментом для реализации превосходства западных государств над слабыми государствами [21].

В итоге следует констатировать, что эволюция международного уголовного права тесно связана с созданием и развитием международной системы уголовного правосудия. Основная цель этой отрасли права - регулировать и обеспечивать индивидуальную уголовную ответственность за нарушение правил, имеющих основополагающее значение для международного сообщества, международные преступления, а также налагать на государства обязательства по предотвращению и пресечению таких преступлений. В частности, основные элементы преступных деяний, которые включены в юрисдикцию международного уголовного Суда с момента их возникновения: военные преступления, преступления против человечества, геноцид и агрессия. Следовательно, МУС, независимый и обладающий универсальной юрисдикцией, имел бы сдерживающий эффект и в будущем избавил бы бесчисленное количество людей от ужаса и страданий, которые могут повлечь рассмотренные преступления.

Отметим, что отсутствие действенных средств привлечения к уголовной ответственности, например, высших должностных лиц государств может негативно влиять на функционирование целых стран, на обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Реальная же возможность уголовного преследования будет служить важным сдерживающим фактором в отношении радикализированных лиц, представителей власти государств заставлять их считаться с национальным законодательством стран и международным уголовным правом.

Список литературы

1. Рабцевич, О.И. Уголовный процесс: учебник / О.И. Рабцевич, В.С. Раменская, О.В. Рябкова, Е.В. Салтыков, Т.А. Соловьева; под ред. д.ю.н., проф. В.С. Балакшина, к.ю.н., доц. Ю.В. Козубенко, д.ю.н., проф. А.Д. Прошлякова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2016. URL: <https://base.garant.ru/57240800> (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.
2. Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества / М.В. Арутюнян. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 406-408.
3. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, AKAYESU, Jean Paul (ICTR-96-4). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-96-4> (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
4. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, KAMBANDA, Jean (ICTR-97-23). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-97-23> (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
5. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, BAGOSORA et al. (Military I) (ICTR-98-41-A). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-98-41> (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
6. Amnesty International, Scorched earth, poisoned air. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/09/chemical-weapons-attacks-darfur/> (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
7. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
8. Каламкарян, Р.А. Россия в рамках международного сотрудничества в борьбе с преступностью / Р.А. Каламкарян. – Текст: электронный // Гражданин и право. – 2011. – № 2. – URL: <https://base.garant.ru/55097514> (дата обращения: 15.04.2020). – Режим доступа: по подписке.
9. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
10. Ашавский, Б.М. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов [и др.]; отв. ред. С.А. Егоров. – Москва: Статут, 2015. – 848 с. – URL:

- http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ashavskii_bm_biriukov_mm_bordunov_vd_mezhdunarodnoe_pravo/ (дата обращения: 10.04.2020). – Текст: электронный.
11. Тимошков С.Г. Формирование юрисдикции международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии / С.Г. Тимошков. – Текст: электронный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – URL: <https://base.garant.ru/77773983> (дата обращения: 22.09.2020). – Режим доступа: по подписке.
12. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (дата обращения: 27.09.2020). – Текст электронный.
13. Лямин, Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: специальность 12.00.10 «Международное право. Европейское право»: автореферат дис. на соиск. ... к-та юр. наук / Лямин Николай Михайлович; Федер. гос. авт. обр. учреждение высш. образования «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2017. – 30 с. – Текст: непосредственный.
14. Макарычев, М. США ввели санкции в отношении руководства Международного уголовного суда / М. Макарычев. Текст электронный // Российская газета. - 2020. URL: <https://rg.ru/2020/09/02/ssha-vveli-sankcii-v-otnoshenii-rukovodstva-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda.html>. (дата обращения: 03.12.2020).
15. Васильев А. Прокурор из Гааги хочет привлечь Пентагон и ЦРУ к суду / А. Васильев. - Текст: электронный // Российская газета. - 2017. - URL: <https://rg.ru/2017/11/20/prokuror-iz-gaagi-hochet-privlech-pentagon-i-cru-k-sudu.html> (дата обращения: 03.12.2020).
16. МУС отказал прокурору в расследовании преступлений в Афганистане: официальный сайт ООН. URL: <http://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071> (дата обращения: 06.12.2020). – Текст электронный.
17. Прокурор МУС получила «добро» на расследование преступлений, предположительно совершенных в Афганистане с мая 2003 года: официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071> (дата обращения: 06.12.2020). – Текст электронный.
18. Абашидзе, А. «Защита» прав и свобод человека «по-американски» / А. Абашидзе. – Текст: электронный // Российская газета. - 2015. - URL: <https://rg.ru/2015/04/20/pravo-site.html> (дата обращения: 09.12.2020).
19. H.R. 7738 (95th): International Emergency Economic Powers Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/95/hr7738/text>. (дата обращения: 17.12.2020). – Текст электронный.
20. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение. Доклад главы КС РФ В. Зорькина на конференции, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса. // Российская газета. - 2011. - URL: <https://rg.ru/2011/05/16/dokladZorkina-site.html> (дата обращения: 03.12.2020). – Текст электронный.
21. Rodrigue Nana Ngassam. La Cour pénale internationale dans la tourmente en Afrique. Le site du Conseil québécois d'Études géopolitiques. – 2020 - URL: <https://cqegehiulaval.com/la-cour-penale-internationale-dans-la-tourmente-en-afrique/> (дата обращения: 05.12.2020). – Текст электронный.

Rublev A.G., International criminal court: matters of subject jurisdiction // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – P. 222-236.

The International Criminal Court is the result of a long historical process, during which society sought to punish those responsible for serious crimes against humanity, based on the practice of the Nuremberg Court and other special courts. It is proposed to envisage amending the statute of the ICC in order to clarify and expand its jurisdiction.

Key words: international crimes, jurisdiction, state, war crimes, international criminal court, responsibility.

Spisok literaturi

1. Rabceвич, O.I. Ugolovnij process: uchebnik / O.I. Rabceвич, V.S. Ramenskaya, O.V. Ryabkova, E.V. Saltikov, T.A. Soloveva; pod red. d.yu.n., prof. V.S. Balakshina, k.yu.n., doc. YU.V. Kozubenko, d.yu.n., prof. A.D. Proshlyakova. – Moskva: Infotropik Media, 2016. URL: <https://base.garant.ru/57240800> (data obrash'eniya: 10.04.2020). – Tekst: elektronii.
2. Ponyatie genocida. Istoricheskaya obuslovennost mezhhdunarodno-pravovogo zakrepleniya genocida kak prestupleniya protiv bezopasnosti chelovechestva / M.V. Arutyunyan. – Tekst: neposredstvennii // Aktualnie problemi rossiiskogo prava. □ 2009. – № 3. – S. 406-408.
3. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, AKAYESU, Jean Paul (ICTR-96-4). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-96-4> (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
4. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, KAMBANDA, Jean (ICTR-97-23). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-97-23> (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
5. Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda, BAGOSORA et al. (Military I) (ICTR-98-41-A). – URL: <http://unictr.unmict.org/en/cases/ictr-98-41> (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.

6. Amnesty International, Scorched earth, poisoned air. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/09/chemical-weapons-attacks-darfur/> (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
7. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
8. Kalamkaryan, R.A. Rossiya v ramkah mezhdunarodnogo sotrudnichestva v borbe s prestupnostyu / R.A. Kalamkaryan. – Tekst: elektronii // Grazhdanin i pravo. – 2011. – № 2. – URL: <https://base.garant.ru/55097514> (data obrash'eniya: 15.04.2020). – Rezhim dostupa: po podpiske.
9. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
10. Ashavskii, B.M. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / B.M. Ashavskii, M.M. Biryukov, V.D. Bordunov [i dr.]; otv. red. S.A. Egorov. – Moskva: Statut, 2015. – 848 s. – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ashavskii_bm_biryukov_mm_bordunov_vd_mezhdunarodnoe_pravo/ (data obrash'eniya: 10.04.2020). – Tekst: elektronii.
11. Timoshkov S.G. Formirovanie yurisdikcii mezhdunarodnogo ugovnogo Suda v otnoshenii prestupleniya agressii / S.G. Timoshkov. – Tekst: elektronii // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2017. – № 3. – URL: <https://base.garant.ru/77773983> (data obrash'eniya: 22.09.2020). – Rezhim dostupa: po podpiske.
12. International Criminal Court, Elements Of Crimes. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/ElementsOfCrimesEng.pdf>. (data obrash'eniya: 27.09.2020). – Tekst elektronii.
13. Lyamin, N.M. Mezhdunarodnii ugovnii sud i otvetstvennost za prestupnie narusheniya prav cheloveka: specialnost 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo. Evropeiskoe pravo»: avtoreferat dis. na soik. ... k-ta yur. nauk / Lyamin Nikolai Mihailovich; Feder. gos. avt. obr. uchrezhdenie vissh. obrazovaniya «Rossiiskii universitet družbi narodov». – Moskva, 2017. – 30 s. – Tekst: neposredstvenii.
14. Makarichev. M. SSHA vveli sankcii v otnoshenii rukovodstva Mezhdunarodnogo ugovnogo suda / M. Makarichev. Tekst elektronii // Rossiiskaya gazeta. - 2020. URL: <https://rg.ru/2020/09/02/ssha-vveli-sankcii-v-otnoshenii-rukovodstva-mezhdunarodnogo-ugovnogo-suda.html>. (data obrash'eniya: 03.12.2020).
15. Vasilev A. Prokuror iz Gaagi hochet privlech Pentagon i CRU k sudu / A. Vasilev. - Tekst: elektronii // Rossiiskaya gazeta. - 2017. - URL: <https://rg.ru/2017/11/20/prokuror-iz-gaagi-hochet-privlech-pentagona-i-cru-k-sudu.html> (data obrash'eniya: 03.12.2020).
16. MUS otkazal prokuroru v rassledovanii prestuplenii v Afganistane: oficialnii sait OON. URL: <http://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071> (data obrash'eniya: 06.12.2020). – Tekst elektronii.
17. Prokuror MUS poluchila «dobro» na rassledovanie prestuplenii, predpolozhitelno sovershennih v Afganistane s maya 2003 goda: oficialnii sait OON. URL: <http://news.un.org/ru/story/2019/04/1353071> (data obrash'eniya: 06.12.2020). – Tekst elektronii.
18. Abashidze, A. «Zash'ita» prav i svobod cheloveka «po-amerikanski» / A. Abashidze. – Tekst: elektronii // Rossiiskaya gazeta. - 2015. - URL: <https://rg.ru/2015/04/20/pravo-site.html> (data obrash'eniya: 09.12.2020).
19. H.R. 7738 (95th): International Emergency Economic Powers Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/95/hr7738/text>. (data obrash'eniya: 17.12.2020). – Tekst elektronii.
20. Pravovie rezultati Nyurnbergskogo processa i ih sovremennoe znachenie. Doklad glavi KS RF V. Zorkina na konferencii, posvyash'ennoi 65-letiyu Nyurnbergskogo processa. // Rossiiskaya gazeta. - 2011. - URL: <https://rg.ru/2011/05/16/dokladZorkina-site.html> (data obrash'eniya: 03.12.2020). – Tekst elektronii.
21. Rodrigue Nana Ngassam. La Cour pénale internationale dans la tourmente en Afrique. Le site du Conseil québécois d'Études géopolitiques. – 2020 - URL: <https://cqegehiulaval.com/la-cour-penale-internationale-dans-la-tourmente-en-afrique/> (data obrash'eniya: 05.12.2020). – Tekst elektronii.